

Выходит 4 раза в год

Начиная с этого выпуска, «Вольное слово» выходит в несколько удешевленном техническом оформлении. Мы решились на этот шаг вместо поднятия цены, что иначе было бы необходимо. Мы рассчитываем на понимание наших подписчиков. Объем сборников остается прежним (400 стр. в год).

Редакция

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1976

Frankfurt/Main

Printed in Germany

*В Комиссию Законодательных
предположений Совета Союза
Верховного Совета СССР*

*В Комиссию Законодательных
предположений Совета Нацио-
нальностей Верховного
Совета СССР*

ЗАЯВЛЕНИЕ

"Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик" устанавливают в качестве цели уголовного наказания — исправление и перевоспитание осужденного в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждение совершения новых преступлений и искоренение преступности.

Исходя из целей перевоспитания "Основы исправительно-трудового законодательства" устанавливают в качестве средств исправления и перевоспитания: 1/режим отбывания наказания, 2/общественно-полезный труд, 3/политико-воспитательную работу, 4/общеобразовательное и профессионально-техническое обучение.

Между тем, такая универсальность средств, не учитывающая мотивы преступления, для целого ряда осужденных ведет к результатам прямо противоположным целям законодателя.

К таким категориям относятся лица, совершающие преступления в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, при превышении пределов необходимой обороны, или неумышленные преступления. Эти лица, до момента совершения преступления,

могли быть честными гражданами, уважающими и соблюдающими все нормы общежития, с большим уважением относящимися к законам, что однако не уберегло их от совершения преступления.

Нельзя не признать, что обязательный и принудительный труд в применении к таким лицам становится просто элементом кары, что противоречит замыслу законодателя.

Для лиц с достаточным уровнем образования политико-воспитательные мероприятия вряд ли могут явиться средством исправления, а степень участия в этих мероприятиях - показателем степени перевоспитания, поскольку не недостаток знаний явился причиной преступления.

Статья 7 "Основ исправительно-трудового законодательства" предусматривает применение указанных в ней средств исправления лишь "с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного" и его "поведения", оставляя в стороне вопрос о мотивах преступления. Основные средства перевоспитания - труд и режим содержания - остаются принудительными для всех осужденных, независимо от предложенной законом классификации осужденных.

Таким образом, очевидна необходимость дифференцировать средства воздействия на осужденных по мотивам совершенных ими преступлений и причинам, породившим эти преступления.

Между тем, такой подход не нашел отражения в действующем законодательстве, что существенно снижает его эффективность, а иногда и прямо противоречит требованиям Основного закона.

Так обстоит дело с лицами, осужденными по обвинению в нарушении закона по политическим, национальным и религиозным мотивам. Применение требований исправительно-трудового законодательства в его нынешнем недифференцированном виде к этим лицам абсолютно нелепо. Подавляющее большинство этих лиц совершило свои деяния не из-за отсутствия образования и трудовых навыков, не вследствие паразитического образа жизни, а в силу своих политических, национальных или религиозных убеждений.

Поэтому уместно ставить вопрос не только о неадекватности применения к ним средств воспитания и исправления, предусмотренных для уголовников-рецидивистов, но и о правомерности любых попыток насильственного воздействия на их политические, национальные или религиозные убеждения.

Конституция СССР гарантирует гражданам свободу совести и не содержит никаких изъятий и ограничений в этом пункте. Видимо, исходя из этого же положения, советское правительство присоединилось ко Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 г. Статьи XVIII и XIX этой Декларации также формулируют право человека придерживаться любых политических и религиозных воззрений. Эти же принципы отражены в Пактах о гражданских правах, подписанных и ратифицированных СССР.

Указанные правовые документы, конечно, не лишают государство возможности расценивать как преступление какие-либо действия граждан, хотя и проистекающие из их религиозных, национальных или политических убеждений, однако нарушающие действующее в государстве законодательство. Тем не менее, какие-либо попытки насильственно воздействовать на убеждения таких лиц со всей оче-

видностью находятся в противоречии с требованиями этих документов.

Следовательно, исправительно-трудовое законодательство СССР в его настоящем виде неприменимо к лицам, осужденным по обвинению в нарушении закона по политическим, национальным или религиозным мотивам, поскольку одной из целей уголовного наказания в СССР является "перевоспитание" или "исправление" осужденных.

Таким образом, и само название "исправительно-трудовое законодательство" недопустимо применять к указанной категории лиц.

С нашей точки зрения, речь может идти только о *статусе политического заключенного СССР*, при разработке которого должны быть учтены следующие ниже положения.

Ввиду неприемлемости и недопустимости каких-либо мер насильственного воздействия на политические, национальные и религиозные убеждения со стороны государства, средства исправления и перевоспитания, означенные в статье 7 "Основ ИТЗ", а именно: 1/режим отбывания наказания, 2/общественно-полезный труд, 3/политико-воспитательная работа, 4/общеобразовательное и профессионально-техническое обучение - *не могут применяться принудительно*, то есть отказ или уклонение осужденного от выполнения требований администрации мест заключения, направленных на исполнение этих положений, не могут повлечь за собой какие-либо наказания, ухудшение правового либо материального положения осужденного или иные нежелательные для осужденного последствия.

Кроме признанных законодательством прав осужденного, как-то: право на медицинское обслуживание, свидание с адвокатом наедине

и т.п., лица, осужденные по обвинению в нарушении закона по политическим, национальным и религиозным мотивам, должны пользоваться также иными правами, установленными для граждан СССР, но не указанными в числе прав, предоставленных осужденным исправительно-трудовым законодательством, хотя осуществление этих прав не препятствует исполнению приговора суда.

Предоставление таких прав осужденным по обвинению в нарушении закона по политическим, национальным и религиозным мотивам необходимо, поскольку осуществление именно этих прав обеспечивает свободу совести и ограждает от посягательств на нее.

Таким образом, правовой статус политзаключенного должен в частности, включать следующие положения.

1. Политические заключенные*, то есть лица, осужденные к лишению свободы по обвинению в нарушении закона по политическим, национальным или религиозным мотивам, содержатся отдельно от прочих осужденных.

2. ПЗК содержится в местах лишения свободы на территории той союзной республики, в пределах которой были совершены инкриминируемые ему действия.

Не допускается размещение мест лишения свободы для ПЗК в местностях с тяжелым, либо вредным для здоровья климатом, а также в труднодоступных районах.

3. ПЗК имеет право получать, приобретать и пользоваться без ограничения книгами, журналами, газетами и иной литературой, в том числе изданной за границей, если ее

* В дальнейшем - ПЗК, как в един., так и во множеств. числе.

распространение в СССР не запрещено законом; имеет право приобретать и пользоваться радио- и телевизионными приемниками и иными средствами получения информации.

4. ПЗК имеет право на свидание с родственниками и любыми иными лицами без ограничения количества свиданий и их периодичности.

Точно так же не подлежит ограничению переписка ПЗК.

Обыск лиц, приезжающих на свидания к ПЗК, не производится.

Пользование тем или иным языком на свидании и в переписке ограничению не подлежит.

5. ПЗК имеют право на индивидуальное и коллективное исполнение религиозных обрядов, а также на удовлетворение всех иных нужд, связанных с их религиозными убеждениями, на получение и пользование религиозной литературой, предметами религиозного культа и т.п.

ПЗК имеют право создавать объединения по конфессиям, а также приглашать священников для их участия в отправлении религиозных культовых обрядов и религиозных праздников.

Администрация мест лишения свободы обязана предоставить необходимые помещения для отправления религиозных культов.

6. ПЗК - гражданин СССР пользуется активным избирательным правом, поскольку он не лишен этого права по приговору суда. В этих целях на территории мест лишения свободы ПЗК создаются избирательные участки.

7. Недопустимы любые ограничения в пользовании ПЗК их родным языком равно как и лю-

ые проявления национальной дискриминации.

8. ПЗК имеет право на самообразование, на занятия искусством и физкультурой. ПЗК имеют право на взаимопомощь в этих занятиях и на приобретение всего необходимого для их проведения.

Администрация мест лишения свободы обязана предоставить помещения для этих целей.

9. Недопустимо какое бы то ни было ограничение контактов и общения между ПЗК, содержащимися в одном месте лишения свободы.

10. ПЗК вправе совместно отмечать различные памятные даты - личные и исторические.

11. Любые формы принудительного политвоспитательного воздействия на ПЗК со стороны администрации не допускаются. Участие ПЗК в политико-воспитательной работе, проводимой администрацией, не является обязательным.

12. Администрации мест лишения свободы запрещается устанавливать какие-либо наказания, равно как ухудшать условия содержания одних ПЗК по отношению к другим - в зависимости от их взглядов и убеждений, либо в зависимости от их поведения. При этом ПЗК могут подвергаться административным и уголовным наказаниям в порядке и случаях, предусмотренных общим законодательством.

13. Самодеятельные организации ПЗК функционируют вне контроля администрации мест лишения свободы; запрещается использование этих самодеятельных организаций в ущерб правам кого-либо из ПЗК.

14. Запрещается наделение ПЗК какими-либо административными или надзорными функциями в отношении других ПЗК.

15. Любые формы принуждения ПЗК к труду запрещаются. Администрация мест лишения свободы обязана предоставить желающим работать такую возможность. Оплата труда ПЗК производится по нормам и расценкам, действующим в народном хозяйстве. Какие-либо вычеты из зарплаты ПЗК на покрытие расходов на их содержание в местах лишения свободы не производятся. Продолжительность рабочего дня и недели, предоставление очередных отпусков и отпусков по болезни - производятся на основании общегражданского законодательства о труде.

Труд ПЗК организуется с соблюдением правил охраны труда и техники безопасности, установленных законодательством о труде. Время работы в заключении включается в общий трудовой стаж политзаключенного.

16. Какое бы то ни было унижение человеческого достоинства является недопустимым. Запрещается принуждать ПЗК стричь волосы, носить одежду специального образца, носить именные или камерные знаки на одежде, снимать шапки и вставать перед представителями администрации и т.п.

17. При этапировании ПЗК за пределы места лишения свободы, в котором он содержится, администрация обязана не позднее чем за трое суток проинформировать самого ПЗК и его родственников о месте, куда он направляется и о цели этапирования.

18. Администрация мест лишения свободы обязана обеспечить ПЗК питанием по оптимальным научно-обоснованным нормам, а также с учетом состояния здоровья.

Какое бы то ни было уменьшение или ограничение питания в зависимости от поведения либо убеждений ПЗК недопустимо.

19. Администрация мест лишения свободы обязана бесплатно обеспечить ПЗК одеждой, обувью, постельными принадлежностями, подходящими по сезону и соответствующими местному климату. Ношение одежды единого образца не является обязательным.

20. Администрация мест лишения свободы обязана бесплатно обеспечить политзаключенных помещениями для жилья, приема пищи, занятий в других нужд в соответствии с действующими гражданскими нормами и санитарно-гигиеническими требованиями.

21. Помимо медицинского обслуживания осужденных, предусмотренного действующим законодательством, ПЗК также имеют право приглашать по своему усмотрению медицинских работников, в том числе и врачей из зарубежных стран, с целью медицинского обследования и получения квалифицированных консультаций.

При отсутствии в санчасти мест лишения свободы медикаментов ПЗК вправе заказывать их где-либо по своему усмотрению, а медсанчасть обязана принять эти медикаменты и использовать их по назначению.

22. Ограничение пребывания ПЗК на открытом воздухе является недопустимым.

23. Помимо пищи, одежды, обуви и постельных принадлежностей, предоставляемых бесплатно администрацией мест лишения свободы, ПЗК также вправе без ограничений получать от родственников и иных лиц, а также приобретать через торговую сеть продукты питания, одежду и предметы обихода и пользоваться ими.

24. ПЗК имеет право получать деньги от родственников и иных лиц, а также вправе сво-

бодно распоряжаться своими денежными средствами.

Приведенный перечень требований, кроме того, вполне согласуется с положениями статьи 1 "Основ ИТЗ" о том, что "исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства".

Для обеспечения строгого исполнения настоящего статуса, соблюдения законности при исполнении приговора, необходимо, кроме существующей системы прокурорского надзора и контроля со стороны общественности СССР, также и осуществление контроля со стороны иностранных и международных общественных организаций.

Исходя из этого, должно быть гарантировано:

1. Право апелляции политзаключенных к прессе, общественным деятелям и организациям.
2. Право представителей общественных организаций, прессы и отдельных общественных деятелей посещать места лишения свободы, право и возможность знакомиться с условиями содержания и встречаться с политзаключенными.
3. Указанные в пунктах 1 и 2 положения распространяются на представителей общественности, прессы и организаций СССР, зарубежных стран, а также международных организаций.

Это необходимо для ограждения от посягательств на свободу совести политзаключенных, поскольку в СССР, согласно ст.126 Конституции, руководящим ядром любой общественной и государственной организации является правящая партия - КПСС, ведущая борьбу

с теми политическими, религиозными убеждениями и национальными взглядами, которые, как правило, являются мотивами действий политзаключенных.

Ввиду того, что положения, содержащиеся в настоящем Заявлении, коренным образом расходятся с основными принципами "Основ ИТЗ", утвержденных законом СССР от 11 июля 1969 года, необходим специальный законодательный акт Верховного Совета СССР для их изменения.

Этим и объясняется настоящее обращение к Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР с ходатайством рассмотреть изложенные выше соображения и предложить на рассмотрение Верховного Совета СССР соответствующий изложенному выше статусу проект отдельного Закона, который регламентировал бы исполнение и отбывание наказания лиц, осужденных по обвинению в нарушениях закона, совершенных по политическим, национальным и религиозным мотивам.

Настоящее Заявление поддерживают политзаключенные:

Владимирская тюрьма:

<i>Лев Лукьяненко</i>	<i>Алексей Сафронов</i>
<i>Ник. Будулак-Шарягин</i>	<i>Витольд Абанькин</i>
<i>Владлен Павленков</i>	<i>Юрий Шухевич</i>
<i>Георгий Гладко*</i>	<i>Валентин Мороз</i>
<i>Александр Чекалин</i>	<i>Сергей Верхов</i>
<i>Гунар Роде</i>	<i>Александр Сергиенко</i>
<i>Яков Сусленский</i>	<i>Анатолий Здоровый</i>
<i>Юрий Вудка</i>	<i>Владимир Буковский</i>
<i>Давид Черноглаз*</i>	<i>Юрий Гродецкий</i>

в Освобождены.

Иосиф Мешенер
Владимир Афанасьев
Михаил Макаренко

Георгий Давидов
Кронид Любарский
Гилель Бутман

Лагерь особого режима, Мордовия:

Эдуард Кузнецов
Юрий Федоров

Алексей Мурженко

Пермский лагерь № 35 /строгий режим/:

Зиновий Антонюк
Иван Светличный
Николай Горбаль
Игорь Калынец
Валерий Марченко
Иван Кандыба
Евгений Пронюк
Евгений Пришляк
Василь Захарченко
Дмитрий Демидов

Иван Шовковой
Баграт Шахвердян
Размик Зограбян
Гарри Суперфин
Семен Глузман
Анатолий Альтман
Лейб Хнох
Игорь Огурцов
Йоган Вальдман

Пермский лагерь № 36 /строгий режим/:

Степан Сапеляк
Дмитрий Гриньков
Владимир Сенькив
Роман Чупрей
Евгений Сверстюк
Олег Воробьев
Иосиф Менделевич
Вульф Залмансон
Марк Дямшиц

Шарунас Жукаускас
Йонас Шилинскас*
Андрюс Мираускас
Аполлоний Берничу
Николай Бондарь
Виталий Калининен
Андрис Пуце
Вилли Саартс*
Ашот Навасардян

Мордовские лагеря /строгий режим/:

Паруйр Айрикян
Арарат Товмасян
Василий Стус

Вячеслав Черновол
Израиль Залмансон

* Освобождены.

СОВЕТСКИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ ТРЕБУЮТ СТАТУСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

**З а я в л е н и я с требованиями СТАТУСА
ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО сделали:**

Яков Сусленский /февраль 1975/,
Юрий Гродецкий /осень 1974/,
Николай Бондарь /февраль 1975/,
Виталий Калининко /февр. 1975/,
Александр Чекалин /весна 1975/,
Гунар Роде,
Иосиф Мишенер /январь 1975/,
Владимир Балахонов /январь 1975/,

предполагается, что есть и другие политзаключенные, которые уже потребовали Статуса.

Одно из основных требований Статуса - о т -
м е н и т ь п р и н у д и т е л ь н ы й
т р у д .

К июню 1975 г. все или почти все политзаключенные Владимирской тюрьмы - отказались заниматься принудительным трудом. Сделали заявления - отказались работать: Бабур Шакиров, Владимир Буковский, Анатолий Здоровый, Юрий Вудка, Георгий Давыдов, Михаил Макаренко, Витольд Абанькин, Алексей Сафронов, Владимир Афанасьев и другие, а также - повторно - Я.Сусленский, Г.Роде, Ю.Гродецкий, А.Чекалин, И.Мишенер.

Яков Сусленский за осуществление Статуса явочным порядком наказан администрацией Пермского лагеря ВС-389/36 водворением в ИЗО на 25 /двадцать пять!/ суток; затем, в апреле-мае 75 г., он переведен во Владимирскую тюрьму, где помещен на первые шесть

месяцев на строгий режим, из них первый месяц - особо пониженное питание. /В мае Сусленский - за жалобу, за "недопустимые выражения" - был водворен на пятнадцать суток в карцер.../

Юрий Гродецкий за осуществление Статуса явочным порядком был наказан администрацией Мордовского лагеря водворением в ШИЗО - его продержали в ШИЗО около 70 /семидесяти!/ суток подряд; затем, весной 75 года, он переведен во Владимирскую тюрьму, где помещен на первые 2 месяца на строгий режим, первый месяц - особо пониженное питание.

Николай Бондарь и Виталий Калиниченко наказаны администрацией лагерей /Пермские лагерь/ водворением в ШИЗО на длительные сроки... /у Калиниченко скоро кончается срок заключения./

Гунар Роде за осуществление Статуса - отказ от работы - переведен из Мордовского лагеря ЖХ-385/19, в апреле-мае 75 г., во Владимирскую тюрьму, где помещен на первые шесть месяцев на строгий режим, первый месяц - особо пониженное питание. /Г.Роде, латыш, находится в заключении с мая 1962 г., осужден на 15 лет, во Владимирскую тюрьму переводится уже третий раз./

Александр Чекалин - переведен во Владимирскую тюрьму в июне 75 г., помещен на первые два месяца на строгий режим, первый месяц - на особо пониженное питание.

Отказавшиеся от принудительной работы во Владимирской тюрьме Б.Шакиров, Ю.Вудка, Г.Давыдов - в наказание за это помещены на строгий режим /Шакиров и Вудка - на 4 месяца каждый, срок Давыдова пока неизвестен, кроме помещения на строгий режим он также лишен очередного свидания/; судьба осталь-

ных отказавшихся от работы пока не известна. Первый месяц строгого режима - особо **повышенное** питание.

Б. Шакиров, находящийся на строгом режиме еще с конца марта, был водворен 31 мая в карцер на 15 /пятнадцать/ суток "за **недопустимые** выражения" в жалобах-заявлениях, направленных легальным путем, через администрацию тюрьмы, в вышестоящие советские инстанции; "недопустимые выражения" заключаются в словах: "п о л и т з а к л ю ч е н н ы й", "п о л и т з а к л ю ч е н н ы е". Указание о необходимости наказать Шакирова - "за недопустимые выражения" - поступило из ГУИТУ - Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями.

Ю. Вудка работал /занимался принудительным трудом/ с марта 75 г. 13-го мая он был водворен в карцер на 15 суток - за невыполнение нормы выработки. По выходе из карцера он заявил, что работать - отказывается.

В. Абанькин, 1946 г. рожд., и **А. Сафронов**, 1952 г. рожд. /осуждены на 12 лет каждый за попытку побега из Сов. Армии, за границу/ работали /принудительный труд/ с марта месяца, в одной камере с Ю. Вудкой; после водворения Вудки в карцер они заявили протест, объявили голодовку и отказались от работы. За это были водворены в карцер с 15 мая, на 8 /восемь/ суток каждый. Абанькин в карцере был избит - надзиратель бил его ключами. Абанькин держал голодовку до 20 июня /о таком сроке своей голодовки он заявил с самого начала/.

О наказаниях **Г. Давыдова** "за отказ от работы" официально сообщил начальник Владимирской тюрьмы полковник **Завьялкин** жене Давыдова, обращавшейся к нему с запросом о положении мужа: 2 июня - за отказ от

33410/с 7 93

работы - лишен очередного свидания /п
нее свидание у Давыдова было в марте
следующее свидание должно было бы сос
ся через шесть месяцев, в сентябре; э
свидания его лишили 2 июня/; 6 июня -
опять-таки за отказ от работы - помещ
строгий режим.

лед-
Г.,
яТЬ-
ГО
на

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ПРЕЗИДЕНТУ США ДЖ. ФОРДУ**

Господни Президент!

Очень думать, что диалог между Западом и Востоком, который немного расширился за последние годы и получил название разрядки, есть дело не только руководителей государств и партий, но, в первую очередь, самих народов.

Однако, если разные слои граждан США могут свою оценку Ваших усилий высказать через многочисленные институты демократического общества /конгресс, пресса, опросы общественного мнения и т.п./, то такой возможности полностью лишены граждане СССР, где существующий общественный строй исключает под угрозой уголовного преследования возможность какого-либо внутреннего диалога и позволяет гражданам только молчать или "единодушно одобрять" действия самоназначенных партийных лидеров. Но право на самостоятельную оценку идей и поступков и на оппозицию - это неотъемлемое природное право человека, утвержденное современным этапом развития человечества и закрепленное в международных правовых актах /"Всеобщая Декларация Прав Человека", принятая ООН/. Даже в обществах, более регламентированных, чем современное советское, не удавалось добиться полной нивелировки человеческой личности и стандартизации мышления, не получалось на какое-то долгое время избавиться от оппозиции. Есть таковая и в СССР.

Одним из показателей ее существования служат периодические репрессивные акции поли-

тической полиции /КГБ/ и наличие в государстве политзаключенных.

Граждане СССР знают, что даже за умеренную критику действий руководящей верхушки КПСС или единственной допущенной в государстве идеологии их ждут неминуемые преследования, а, возможно, не миновать и тюрьмы. Поэтому ясно, что за каждым из нас, политзаключенных, репрессированных за оппозиционные выступления, стоят сотни и тысячи людей, которые думают так же, как мы, которые не утратили способности к самостоятельному мышлению, но публично выразить свои взгляды не решаются.

Руководство КПСС и полностью подчиненная ему пресса чувствительно реагируют на все выступления в США по вопросу о разрядке, популяризуя выгодные им и борясь против противоположной точки зрения.

Думаю, господин Президент, Вы тоже могли бы принять во внимание мнение политической оппозиции в СССР, представленной прежде всего политзаключенными. Беру на себя смелость утверждать, что высказанные далее мысли являются не только моими лично, а отражают отношение к проблеме широкого круга советских политзаключенных разных национальностей.

В первую очередь мы до сих пор четко не представляем, что все-таки имеется в виду под очень часто повторяемой фразой "разрядка международной напряженности". Если в разрядке видеть не кратковременную конъюнктурную кампанию тактического или даже престижного характера, а рассматривать ее как перспективную долговременную акцию, которая должна принести облегчение всему человечеству, то ясно, что разрядку никак невозможно свести только к некоторому сдер-

известно гонки вооружений или к расширению торговли. Очевидно, что прочную разрядку международного напряжения и невозможность возврата к политике активной конфронтации **может** обеспечить не столько военное разоружение, сколько демилитаризация психики. Действительность, однако, показывает, что советские руководители, особенно Брежнев, **понимают** дело иначе.

Известно ли Вам, господин Президент, что провозглашение политики разрядки международных отношений руководители КПСС прямо связали с подавлением всякой критической мысли внутри страны? ЦК КПСС выдвинул тезис об усилении идейной борьбы против идеологических диверсий мирового империализма в условиях разрядки очень похожий на прежний тезис Сталина об усилении классовой борьбы в СССР по мере приближения к коммунизму, который был теоретической платформой массовых репрессий тридцатых-сороковых годов. Теперь практика тоже не отстает от теории. Начиная с 1972 года в ряде республик СССР /в России, на Украине, в Армении, в республиках Прибалтики/ прокатилась самая мощная в постсталинское время волна политических арестов и жестоких приговоров на неконституционных судебных процессах /преимущественно закрытых/. Еще большего размаха достигли внесудебные преследования. Для усиления роли армии и политической полиции впервые за последние десятилетия министры обороны и КГБ были введены в Политбюро ЦК КПСС, которое де-факто стало высшим органом государственной власти в нашей стране.

Вы, господин Президент, подписываете межгосударственные договоры не с руководителем государства, а с лидером правящей партии.

Особенно массовой и жестокой была кампания репрессий 1972-73 гг. на Украине. Несколько

десятков человек было брошено за решетку или заперто в психбольницы закрытого /тюремного/ типа. Во время этой кампании следы "идеологических диверсий" находили в стихах поэтов и картинах художников, в литературоведческих и публицистических статьях, даже в интимной переписке и рабочих заготовках литераторов. Если бы что-либо подобное происходило в США, то, чтобы Ваши соотечественники "научились единодушно одобрять" действия властей, половину их пришлось бы посадить в тюрьмы, а другую половину превратить в тюремных надзирателей.

Следователи КГБ даже не скрывают от нас, арестантов последних лет, что они поставили перед собой задачу за несколько лет полностью искоренить всякую оппозицию, которая, мол, мешает проведению политики разрядки, открыто заявляя перед всем миром о разных наболевших проблемах СССР. Особую ненависть карательных органов вызывает попытку поставить национальную проблему. Поэтому, как это ни парадоксально звучит, мы, заключенные 72-го и последующих годов, считаем себя жертвами политики разрядки, и пока что это один из наиболее реально ощущаемых ее результатов.

Именно поэтому особенно важной и своевременной мы, политзаключенные СССР, считаем поправку Конгресса США к законопроекту о торговле, хотя, если верить советской прессе, Вы, господин Президент, отнеслись к этой поправке отрицательно. Советская пропаганда, резко критикуя поправку Конгресса, которая обусловила предоставление Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в торговле и кредиты обеспечением свободы выезда граждан из СССР, называет это условие вмешательством во внутренние дела СССР. Мы такое объяснение принятого Конгрессом закона считаем алогичным.

поправка не ставит вопроса о замене существующего в СССР режима или обязательной **революции**. Речь идет о выполнении одной из **основ демократии**, четко выраженной в ст. 13 **Всеобщей Декларации Прав Человека**, принятой ООН и в **Международном пакте о гражданских и политических правах**. Если, ратифицировав с пропагандистской целью эти документы, руководители СССР в то же время не хотят их соблюдать, то не будет ли такой же судьба **голословных и громких деклараций**, принятых в ходе кампании о разрядке? Понятно также, что когда у критически мыслящей части советских граждан появится альтернатива **мордовским и пермским лагерям и психушкам** - а именно возможность выехать за **границы** государства, то это, не изменяя **коренным** образом существующего в СССР режима, все же может привести к некоторой его гуманизации. А это в свою очередь может стать преддверием **действительного**, а не **бумажного** ослабления напряженности международных отношений.

Мы, советские политзаключенные, поддерживаем позицию Конгресса США как такую, которая может позитивно повлиять и на нашу **тяжелую** судьбу потенциально вечных заключенных системы. Лично я 1 марта этого года обратился в Президиум Верховного Совета СССР с заявлением об отказе от советского подданства и просьбой отпустить меня за пределы СССР. С такими же, пока что безуспешными, заявлениями обращались к советским **инстанциям** и другие граждане, принадлежащие к **разным** нациям СССР.

Хочется верить, господин Президент, что **действительно** беспокоясь о судьбе процесса **разрядки** международной напряженности, Вы, во время своей встречи с Брежневым или другим путем, обратите внимание советских руководителей на вопрос о свободном выезде

граждан из СССР и подчеркнете невозможность продолжительного и прочного ослабления напряженности в международных отношениях сохранении принятого в СССР курса на подавление всякой критической мысли.

С уважением

Вячеслав Черновол

украинский журналист,
политзаключенный

ТЬ
-
И
В-

МАГДЕРСКО-ПЕРСКО-КАВКАЗСКАЯ ТЮРЬМА

Все приехавшие в тюрьму из лагеря первый **месяц** содержатся на режиме пониженного **питания** - около 1000 кал. В дальнейшем это **может** повторяться.

Ворма жилой площади в тюрьме - $2,5 \text{ м}^2$ на человека. Бывает, что заключенных в камере столько, что на человека приходится менее $2,5 \text{ м}^2$ - тогда можно требовать...; однако в этом случае начальство отвечает, что **"тюрьма в перелимите"** и **"Москва - знает"**.

Соль выдавать запрещено. /Соль кладется в котел, в пищу, по норме 20 грамм в день на человека; этого, может быть, и достаточно, но з/к просят, чтобы половину этой нормы **выдавали "сухим пайком"**, так чтобы каждый мог досолить себе по вкусу, по потребности. **Пища** бывает либо сильно недосоленной, либо - пересоленной. Гипертоникам же вообще **нельзя** есть сильно соленую пищу, то же **некоторым** желудочникам, печеночникам. Однако, **все** вынуждены есть одинаково пересоленную или одинаково недосоленную пищу. Возможно, **обычай** не выдавать соль на руки **пошел** от того, что уголовники с помощью соли **ухитряются** устраивать себе какие-то симуляции; а дифференцированно подходить к **уголовникам** и политзаключенным администрации **лень...**/

Рыбьего жира нет.

Прогулочный дворик - такая же камера, **только** с решеткой или сеткой вместо потолка.

Вывод писанное сообщение. Время - март 1975 г. - Р е д.

Гуляют сначала /т.е. на строгом режиме/ - 1/2 часа, потом /на общем режиме/ - 1 час в день.

Кроме решеток на окнах железные жалюзи, все закрывают.

Электричество горит круглые сутки. Часто лампа слабая /60 ватт, или в больших камерах - 100 ватт/. Со временем от вечной близости стен и плохого освещения начинают болеть глаза.

Политзаключенный Л е с и в за время сидения потерял зрение.

У политзаключенного Гунара Р о д е болели зубы, ему положили мышьяк и не вынимали несколько дней, он посинел, распух, тогда вынули. 24 января 1975 г. мышьяк положили в зуб п/зк О г у р ц о в у и потом отказались вынимать; на пятые сутки он объявил голодовку - вынули.

Всех евреев держат отдельно.

Ч е р н о г л а з, М а к а р е н к о, В у д к а писали жалобы о принудительной ассимиляции. Нередко в одной камере содержат вместе евреев и антисемитов.

27 января 75 г. началась голодовка протеста против духовного удушья. Участники голодовки: А ф а н а с ь е в, В у д к а, Л ю - б а р с к и й, С а ф р о н о в. Требования: прекратить произвол цензуры, обеспечить нормальную переписку, вернуть отобранные личные книги; снять ограничения на пользование библиотекой; обеспечить нормальную отправку и рассмотрение жалоб /администрация конфискует даже жалобы в прокуратуру/. Кроме того, Афанасьев требовал обеспечить ему возможность учиться /у него образование

- 6 классов/. Вудка требовал отменить конфискацию еврейского календаря. 4 февраля Любарского унесли в больницу. 5-го приехали из прокуратуры РСФСР. Советник юстиции З а н к о н н и к о в /отдел по надзору/. Выслушали, обещали разобратъ. 6-го начали принудительное питание: шланг вдвое толще, чем обычно, более 1 см в диаметре, через пищевод проталкивали в желудок - процесс необычайно мучительный. На вопрос, почему такие толстые шланги, ответили, что тоньше в тюрьме нет. Через несколько дней брали желудочный сок вдвое более тонким шлангом. /Когда голодал М о р о з, его тоже кормили через толстый шланг./ После голодовки у участников обнаружили пониженную кислотность, этим медицинская помощь ограничилась. С большим трудом - угрозой продолжать голодовку бессрочно - удалось добиться диеты на две недели. По вечерам в камере, где не было голодающих, давали горячую воду - окончившим голодовку ее давать запретили. 17 февраля Вудка подогрел себе кружку воды, держа в руке клочок горячей газеты. Этот клочок был назван "костром", и Вудку лишили очередного свидания. Продлить диеты, несмотря на плохое самочувствие голодавших, - отказались.

Результат голодовки: прекратились массовые конфискации и вымарывание писем, кража открыток и прочих вложений; начали даже появляться письма из Израиля. Конфискацию календаря отменили, но на руки его не отдали.

25 января у Любарского взяли на анализ желудочный сок, сок был красный, на другой день ему перестали выдавать диету.

В марте 75 г. начали приобщение к труду политзаключенных. Для этого уплотняют уголовников сверх всяких норм. В жилую камеру 1-28 поставили станки: там и живут и рабо-

тают. Из камеры 1-32 уголовников временно переселили в другие камеры, установили станки, но кровати не убрали; о второй яру работающие ударяются головой. Провоцируют на отказ от работы, чтобы сажать в карцер. Холодно /10⁰С/. На окне жалюзи, естественного света нет; оборудовать искусственный свет отказываются.

Работа - сборка резисторов /?/ из мельчайших деталей, что требует максимального напряжения зрения, которое и без того подорвано близостью стен и круглосуточным электрическим светом. Последствия для глаз трудно предсказать. Требуют выполнение нормы.

Визит в Вашингтон /Л.Брежнева. - Р е д./ политзаключенные отметят однодневной голодовкой.

**ДАННЫЕ ПО ПСИХИАТРИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ
ЛАГЕРНОЙ БОЛЬНИЦЫ МОРДОВИИ**

Камеры мрачные, грязь, слабый свет, крыши, отсутствие воды, вонь, параша. Зимой нет прогулок, летом прогулки в одном белье. Одежды крайне грязные, нестиранные, санитары из "бытовиков", случаи избиения /не при "фиксации"/, грубость, хамство, практика камер-одиночек, обход зав. отделением Кокоревым не чаще раза в месяц, средний медицинский персонал осуществляет только раздачу медикаментов через кормушки в двери, таким образом объективных данных о состоянии и динамике нет. И тем не менее всех лечат, по Кокореву - "Мы лечим обстановкой". Всем - один набор лекарств. В ходу сульфазин и кулаки. По несколько человек на одной койке, жалобы и больных, и здоровых не отправляются.

На январь 1975 г. в отделении находилось четверо политзаключенных. А с е л о - б а у м с - в зоне психиатром не осматривался, активно боролся за права эков, этапирован в отделение 15 ноября 1974 г. за заявление о выезде из СССР после отбытия срока. Кокорев при беседе с ним отметил, что "ничего серьезного нет", и назначил интенсивную терапию /аминазин и т.п./, в результате наступило временное снижение психической активности. Предупрежден, что не следует писать жалобы на администрацию и отказываться от советского гражданства. 31 января этапирован из больницы, прибыл в лагерь № 35.

Б а л а х о н о в - в лагере была попытка беседы с ним психиатра, последний отказался от дальнейшей беседы с Балахоновым, узнав,

что рядом лежит психиатр Г л у з м а н /оба тогда голодали/. Прибыл в отделение в январе, себя больным не считает, поэтому отказался от лечения, насильственные инъекции аминазина ежедневно.

М е р к у ш е в Вячеслав - признан невменяемым в Институте им. Сербского, ожидает этапа в Казань. Из солдат, тверд в убеждениях, не скрывает их.

Из зоны № 19. Ж и п р е - в Институте им. Сербского признан вменяемым, однако до сих пор не этапирован из отделения.

Из зоны № 36. 28 февраля из лагбольницы выписаны в зону П у ц е - туберкулез легких, открытая каверна, кровохарканье, находился в общей палате, теперь в общей секции - и Г а н д з ю к Владимир - общая дистрофия, туберкулез легких, туберкулезный коксит с явлениями анкилоза, анкилозирующий остеохондроз поясничного отдела с нарушениями функций спинного мозга. Ярунин /нач.медчасти л/п 35 Пермских лагерей - Р е д./, заявил ему перед выпиской, что не находит у него болезни. Гандзюк живет в общей секции, вынужден строем ходить в столовую, из нее и т.п., иначе - нарушение режима.

Иван С в е т л и ч н ы й после голодовки не получал диеты ни в КГБ, ни в лагере. Поэтому "посадил" печень, сейчас страдает гепатохолециститом, лечения не получает, диеты также, у него частые приступы, связанные с характером пищи.

Просим проследить судьбу освободившихся в марте-апреле 1975 года: М е л ь н и ч у к Тарас Юрьевич, Ивано-Франковская область, Косовский р-н, село Уторопы;

К о р о л ь ч у к Семен Исидорович, Львов,

улица Любинская, 97, кв. 21;

Д а н н э Эрик Эдмундович, Латвия, город
Тукумс, улица Пионерская 2а, корпус 12,
кв. 79

Неподписанное сообщение.

Время, очевидно, весна 1975 г. - Р е д.

ПИСЬМО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО

До сих пор не писал тебе писем, так как не получал ответа на свое письмо. /Пропуск./ Создалось впечатление, что власть старается всякими способами действовать на меня морально и навсегда оторвать от семьи. Еще перед тем как уехать целую неделю держали в карцере на хлебе и воде, чтобы лучше запомнил дух мести и ненависти, который царит в ГБ. Везли вместе с уголовниками, хотя политических должны везти отдельно. Целых два месяца бросали между грабителями и убийцами, которые показали свои зверские нравы. Одни отняли теплые импортные ботинки, которые ты мне передала, другие - ватную фуфайку, третьи - шапку, рукавицы. Были и такие, которые, зажав в угол, пытались узнать подробности моего дела и, ничего не узнав, раздели до нижнего белья и угрожали выпустить кишки. Из продуктов тоже ничего не довез: все отняли в вагонах и пинали ногами.

И делалось все это с ведома начальства, так как я их предупреждал, что, как осужденного по политической, меня должны везти отдельно.

В одном городе чекисты показали еще большую ненависть: узнав, что я осужден за религию, стали зверски кричать, что религиозные сочинения и вещи запрещены, отняли святых: сердце Иисуса, Марию, Иосифа и т.д. Хотели отнять и тетради, но не поняли, что там написано. К тому же стали толкать так, что грабители и воры удивлялись, ибо с ними обращаются вежливее.

Письмо неизвестного. Время - лето 1975 г. -
Р е д.

Я не удивляюсь, что справились с В.Я. Думая, что его судьба давно была решена, потому маленький срок дали для прикрытия. Понятно, что И.З. получил сотрясение мозга.

В течение года в тюрьме не проверяли здоровье, хотя все время было повышенное давление и хроническое воспаление глаза. На суде громко и торжественно прочли справку, что я здоров. Интересно, по каким данным? Ведь не проверяли. Думаю, чтобы сфабриковать побольше срок.

По проезде в лагерь давление 165/90. Начальнику сказал, что болею гипертонией, воспалением глаз, частым непрерывным кашлем, который возник после того, как три раза болел воспалением легких. Несмотря на это, он дал указание послать на вредные работы. Пыль на работе такая вредная для легких, что надо работать в маске. Но из-за недостатка воздуха расширились глазные кровеносные сосуды, из-за непрерывного воспаления возобновилась трахома. Все стал видеть как сквозь туман, а по утрам вообще ничего не видел. Воспаление стало таким сильным, что с глаз перешло на лицо.

Кроме физического давления чувствую и моральное, так как не получил ни одной весточки от вас[†].

Поэтому написал заявление Председателю Президиума Верховного Совета, что отказываюсь от гражданства и требую разрешения уехать с семьей, так как мы, верующие, лишены основных прав граждан СССР и с нами обращаются, как со скотиной.

Недавно получил извещение из Москвы, что

[†] Около трех месяцев ему не передавали письма от жены, которые приходили в лагерь.

мое заявление переслано в прокуратуру. Это значит, что меня могут осудить дополнительно на несколько лет. Так, например, со мной сидит зэк, который получил пять лет за то, что хотел отказаться от подданства и требовал разрешения уехать.

Вообще я твердо убежден, что в борьбе против верующих они готовы на любую подлость. В КГБ начальник следственного отдела обещал по-своему воспитывать наших детей. Предупреждаю тебя, как можно меньше пиши мне писем, откуда бы ты их ни слала, они проверяются цензурой, и, если надо, с них снимают копии. Потом могут возбудить против тебя дело за религиозное воспитание детей и отнять их у нас.

В 1973 году в газете была статья, где предупреждали, что те, кто систематически обучают детей религии, будут привлечены к уголовной ответственности.

Твои письма пролежали в цензуре три месяца и это сделано не в твою пользу. Рано или поздно они будут стараться сделать еще что-то, поэтому мы должны дать как можно меньше обвинительного материала, то есть меньше рассказывать о религиозном обучении и воспитании своих детей.

Это письмо написано в июне-июле 1975 г. Автор письма находится в заключении уже около двух лет, осужден по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" на восемь лет лишения свободы в лагерях строгого режима. Его жена - многодетная мать.

Председателю
Совета министров, КОСЫГИНУ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Еще раз о русификации и национализме

Гражданин Председатель Совета министров, конкретные факты недавнего прошлого, ставшие известными мне на этих днях, заставляют меня отказаться от собственного принципа и обратиться к Вам, заранее сознавая практическую бесполезность этого. Никто ни разу не сумел заземлить Ваше трансцендентное существование в кремлевских высях на судьбы политзаключенных СССР, именуемых Вами особо опасными государственными преступниками. Ни голодовки, ни болезни, ни самоубийства. Но я не политик. Что же, пусть мои слова ничего не изменят. Сегодня я обязан высказаться. Это мой долг, долг русского.

В апреле 1975 года в Уральском концлагере ВС 389/35 состоялась беседа зам. начальника учреждения ВС 389 капитана Шарикова с моим товарищем Чекалыным. Шариков недвусмысленно внушал Чекалину шовинистические настроения, требовал от него, как от русского, порвать отношения с жидями, украинцами и т.п.

Я - русский. И мне больно за свою страну, где официальные лица откровенно проповедуют шовинизм, где русификация возведена в ранг государственной политики. Гражданский брак советской власти с электрофикацией оказался лесбийским, он не дал народам интернационализма.

За что любить меня, русского, студентам Чехословакии и Польши, крестьянам Литвы и Украины?

Можно деморализовать Ивана Д з ю б у, но ведь не Дзюба породил русификацию Украины, а она - Дзюбу.

Мне больно, что Россия является тюрьмой народов в большем масштабе, чем это было 60 лет назад, а в тюрьме добровольных жителей не бывает.

Я, русский по национальности, культуре, языку, заявляю: в СССР существует национальная дискриминация и принудительная русификация, в этом меня убедили годы лагерей и тюрьмы.

Так, только в течение одного года заключения в лагере ВС 389/35 я стал свидетелем многих тому примеров. Ваши опричники в Гогубых погонах из Скальнинского ОКГБ *Апанасов*, *Крапаничук* и *Утыро* неоднократно распространяли через свою агентуру в зоне антисемитскую дезинформацию, кнутом и пряником насаждая в зоне межнациональную рознь. А в декабре 1974 г. они пытались физически расправиться с евреями-заключенными руками своих агентов из полицаев, убийц и проходимцев. В феврале 1975 г. капитан Утыро откровенно, в лицо высказывал Я г м а н у свои антисемитские настроения, пытаюсь при этом даже обосновать их теоретически.

Насильственная русификация проводится не только самим фактом вывоза украинцев, армян, литовцев и др. на "исправление" в Россию, но и осознанным "перевоспитанием" в мелочах: в задержке писем на национальных языках, в запрете иных, кроме русского, языков во время свиданий и т.п. Принцип "разделяй и властвуй" - основа практики

"перевоспитания" политзаключенных СССР.
Регулярны попытки натравливания русских на украинцев, армян и т.д., всех - на русских, евреев - на украинцев...

И все же интернационализм существует. Именно здесь, в среде так называемых "буржуазных националистов", которых среди политзаключенных большинство. И если националисты Будагян, Альтман, Калиниченко, Светличный, Шахвердян, Лукьяненко, Глузман, Антонюк - то и я националист. Украинский, армянский, еврейский, литовский, чешский, польский, новозеландский, перуанский, ибо демократия - это свобода и личности, и отдельных народов.

К сожалению, вынужден закончить, меня торопят.

Владимирская тюрьма,
Июнь-июль 1975 г.

Владимир Буковский

Я ОБВИНЯЮ

Неоднократно я уже обращался к официальным инстанциям с просьбой привлечь к судебной ответственности лиц, которые осуществляют массовую расправу над представителями целого поколения украинской интеллигенции. Однако на эти заявления я либо вообще не получал ответа, либо мне давали прокурорские отписки не по сути дела /мол, осужден справедливо, а поэтому оснований для пересмотра дела нет/. Поэтому я вынужден обратиться к общественности, повторив мотивы, побудившие меня на этот шаг.

1. У меня, как и у многих других, арестованных в январе 1972 года, а позже осужденных, был сделан обыск по провокационному ордеру, подписанному Львовским прокурором *Малыхиним*. Основанием для обыска была названа моя принадлежность к так называемому делу Д о б о ш а. Почти все жертвы очередного кагебистского налета, у которых делался обыск на этом же основании, никакого отношения ни к Добошу, ни к его "делу" не имели. Я требую привлечения к судебной ответственности лиц, которые санкционировали эти обыски и аресты под фальшивыми поводами.

С самого начала следствия кагебисты в разговорах со мной о деле Добоша даже не упоминали, потому что Добоша я и в глаза никогда не видел. Суть дела в том, что само дело Добоша — это дешевая фальшивка, оно было выдуманно для дискредитации арестованных в глазах общественности, чтобы таким образом на некоторое время парализовать появление публичных протестов.

Поскольку дело Добоша с начала и до конца

является выдумкой, я заявляю: украинские процессы 1972-73 гг. имели своим аналогом сфабрикованные процессы 30-х годов и проводились с помощью той же ежовско-бериевской методики.

Масштаб фальсификации свидетельствует о том, что автором этого душегубительного сценария было руководство КГБ при Совете Министров СССР, поэтому я обвиняю их в заведомой фальсификации с целью сокрытия действительных злодеяний и публичной дискредитации людей, репрессированных за убеждения.

2. Во время обыска у меня было изъято почти все написанное за 15-17 лет литературной работы: стихи, критические статьи, сочинения в прозе, переводы. Из произведений молодых украинских литераторов кагебисты изъяли у меня сочинения Виктора Кордуня, Николая Холодного, Игоря Калынца, Григория Чубая, некоторые сочинения Симоненко, Н.Винграновского, Л.Костенко, И.Драча. Жертвами разбоя стали рукописные статьи М.Брайчевского, Л.Танюка, И.Дзюбы, С.Тельнюка. Были забраны сочинения украинских авторов, которые проживают за границей - поэтические сборники В.Вовки и З.Андиевско́й. Такая же судьба постигла отдельные сочинения Пастернака и Е.Евтушенко, М.Горького и А.Солженицына, Бердяева и Карла Маркса, К.Юнга и Ортега-и-Гассета. Кагебисты доказали, что их врагами являются произведения писателей и мыслителей всего мира.

За это я требую судить их, как врагов украинской культуры, врагов украинского народа, врагов гуманизма, мировой культуры, врагов человечества.

3. В мое обвинение включено немало моих текстов, в которых речь идет о репрессиях 20-30 гг. и более поздних лет, о геноциде украинских крестьян в 1933 г., об уничтожении украинской интеллигенции в 30-х годах, о материальных лишениях, которые испытывали колхозники в тридцатых-сороковых годах и в отдельные периоды последующих десятилетий. Следствие и суд назвали антисоветскими мои заявления об отсутствии свободы передвижения сельского населения, лишенного паспортов, что я назвал формой закрепощения. Названо антисоветским мое утверждение, что период 1961-71 гг. был десятилетием такого же систематического ухудшения условий материального и духовного существования народа, периодом наступления реакции. Названо антисоветским мое стихотворение "В Маринце стоят кукурузы" /"В Марїнці стоять кукурудзи"/, в котором говорилось об известных фактах минувшего, когда колхозникам за работу практически ничего не платили.

Назвав упомянутые тексты антисоветскими, кагебисты тем самым взяли на себя роль непосредственных виновников минувшего кровавого периода и соучастников беспощадной государственной эксплуатации народа. Ставя сегодня такие утверждения в вину, засекречивая известные факты беспрецедентных репрессий в прошлом, кагебисты доказывают тем самым свою кровную связь с бандой Ежова и Берия, берут на себя ответственность за все злодеяния, которые осуществляли их предшественники в минувшем десятилетии.

Я называю КГБ паразитической, эксплуататорской и зловредной организацией, на чьей совести миллионы и миллионы расстрелянных, замученных голодом и /пропуск/ душ.

4. Мне поставлено в вину отсутствие в моем творчестве классового подхода, то обстоя-

тельство, что я непартийный и внесоюзный литератор, что я не придерживаюсь принципа коммунистической партийности и принципов социалистического реализма, что я стою на позиции абстрактного гуманизма и что в некоторых моих сочинениях отразилась экзистенционалистская настроенность /проблематика/. Таким образом, преступно уже то, что человек имеет какие-либо другие, некоммунистические убеждения. Этому человеку просто воспрещено существовать.

Поэтому я называю кагебистов злодеями, которые втоптали в землю наизыментарнейшие человеческие права.

5. Во время следствия мне не было выдано ни одного юридического кодекса, который ознакомил бы меня с правами обвиняемого. Такие кодексы я требовал ежедневно - до начала суда. Но мне их не дали. Тогда я отказался ходить на следствие. Кагебисты пригрозили, что будут приводить меня насильно. Я отказывался разговаривать со следователями - меня заточили в психиатрическую больницу. Более того: когда в тюремном коридоре я крикнул, что меня собираются везти в психбольницу, на меня набросились с кулаками /пропущено несколько слов/, начальник тюрьмы *Сапожников* и дежурный офицер. Для оказания психологического давления были объединены усилия следователей и прокуроров по надзору *Макаренко*, *Погорелого*, *Малого*, которые несут всю ответственность за чинимый в следственных кабинетах самосуд, за все нарушения элементарнейших условий проведения следствия. Для моего обвинения были использованы инспирированные кагебистами свидетели - *Мацкевич*, *Сидоров*, *Кислинский*, хотя я с самого начала говорил о них, как о кагебистской клиентуре, к тому же шовинистически настроенной.

"Я сразу понял, что Стус националист, потому что он все время говорил на украинском языке", - заявил на очной ставке *Сидоров*.

С прямой целью оговаривания других арестованных были использованы в качестве "свидетелей" психически и морально сломленные *З.Франко* и *Л.Селезненко*. Последний заявил на суде, будто бы я произвел на него впечатление настоящего националиста. Когда я отверг это утверждение как необоснованное, *Селезненко* отказался от него. Тогда судья *Дашель* стал пугать свидетеля тюрьмой. *И.Селезненко* не устоял перед шантажом. То же было и со свидетелем *Калиниченко И.*, у которого в КГБ было вырвано фальшивое /пропуск одного или двух слов/ моего стихотворения, от которого он отказался на следствии. Тогда судья стал обливать его нецензурной бранью, угрожая, что за такое поведение его выгонят с работы и снимут ученую степень.

Во время суда я требовал открытого суда - мне было отказано, я отказывался от адвоката - /пропуск нескольких слов/, я требовал литературных экспертов - и тоже напрасно.

В связи с этим я обвиняю все следственное отделение КГБ, начальника тюрьмы *Сапожников*, всю судейскую коллегию, прокуроров *Макаренко*, *Малого* и *Погорелого*, которые производили этот злодейский самосуд надо мной и моими товарищами.

6. Я обвиняю внутренних рецензентов КГБ, которые писали отзывы на изъятые сочинения украинских литераторов. Из них я могу назвать *А.Каспрука* /Институт литературы АН УССР/, который рецензировал сборники моих стихов и литературно-критические статьи, *А.Ковтуненко* /Институт литературы АН УССР/,

автора "отзыва" на сборник "Крик из могилы" М.Холодного, авторов коллективной рецензии на книгу И.Дзюбы "Интернационализм или русификация?" А.Скабу, В.Евдокименко, Ю.Збанацкого, В.Козаченко, Л.Нагорную /Институт истории партии/, П.Недбайла /Киевский университет/, В.Чирко /проректор ВПШ/, Н.Шамоту, П.Ящука /доцент кафедры журналистики Львовского университета/. Основанием для привлечения их к судебной ответственности могут служить имеющиеся в деле рецензии с открыто полицейскими, кровожадными заявлениями. Думаю, что их вина в проведении массовых репрессий - такая же, как и штатных кагебистов. Они такие же душегубители, как следователи и судьи.

7. Я обвиняю кагебистов за физические мучения, которым подвергают украинских политзаключенных. Так, в 1972 г. было нанесено несколько ножевых ран В.М о р о з у. В начале 1975 г. был тяжело избит М.О с а д - ч и й в камере Потьмы. Немного позже это произошло и с В.Ч е р н о в о л о м, которого на шестой день голодовки силой вытолкали на этап, заковав в наручники и заставив босым идти по снегу. Физическим истязаниям подвергаются украинские женщины-политзаключенные - С т р о к а т а, Ш а б а т у - р а, которых в январе 1975 года заточили в лагерную тюрьму на голодный паек, доведя их до крайнего истощения. Другим заключенным они методично укорачивают жизнь - холодом и голодом, отсутствием необходимого лечения и т.п.

Я обвиняю кагебистов, которые четвертый год держат в психиатрических больницах украинских политзаключенных - Н.П л а х о т н ю - к а, Б.К о в г а р а, Н.Р у б а н а, Л у - п ы н о с а, Л.П л ю щ а, Т е р е л ю, К р а с и в с к о г о и др. Я называю КГБ при Совете Министров СССР злонамеренной ор-

ганизацией, проведшей дикие репрессии 1972-73 гг. в невиданных в настоящее время для СССР масштабах, нанесшей непоправимый ущерб украинскому народу и его культуре. Я обвиняю КГБ как организацию открыто шовинистическую и антиукраинскую, потому что она сделала мой народ и безъязыким, и безголовым. Суды 1972-73 гг. на Украине - это суды над человеческой мыслью, над самим процессом мышления, суды над гуманизмом, над проявлением сыновней любви к своему народу. Поколение молодой украинской интеллигенции, которое сделали поколением заключенных, было воспитано на идеях гуманизма, справедливости и свободы. В этом вся его вина, весь его злой умысел. Но только такими сынами и славен народ - и ныне, и во веки веков.

Я уверен в том, что рано или поздно КГБ будут судить - как преступную, открыто враждебную народу полицейскую организацию. Но не уверен, что сам доживу до этого суда. Поэтому прошу передать мое обращение обвинителям этой преступной организации. Пусть в многотомном деле их злодейств будет и моя страница свидетельств-обвинений.

Концлагерь "Дубровлаг",
1975 г.

Василий Стус

Рассказ о посещении л/п 35 Пермских лагерей делегацией "украинской общественности"

Во времена Виссарионовича /Сталина/ партийно-литературные боссы любили употреблять крылатое выражение "наука ненависти". Им поистине выражалась сущность советской идеологии и философии. Воспитательный результат "науки ненависти" с идеалами материального достатка и дарового труда - общеизвестное новое общество с новыми принципами человеческих и межнациональных отношений. Хотя сам видишь, слышишь, на себе испытываешь, в том же котле варишься, а все же не хочется верить, что действительно оно так, что не простой, затурканный человек, а доктор исторических наук, научный сотрудник Академии наук считает и публично заявляет, что обыкновенные, общечеловеческие христианские идеалы, взгляды - это уголовное преступление. Как ни печально, но это факт. На протяжении последних 15 лет к нам, заключенным, заброшенным далеко за пределы родной земли, уже не раз делегируется "общественность", то есть с полдесятка людей с Украины /один рабочий, председатель колхоза, писатель, ученый и т.д./.

Недавно нас опять посетила подобная группа. Среди них был юрисконсульт *Головешко*. Собственно к нему и обратился я. Шел не спорить, доказывать правоту и проч., а чтобы рассказать о своем деле и спросить, за что я сижу в концлагере 22 года и кто виноват в том? Но желаемого разговора не было. Ибо, прежде всего, в болтовне с заключенными гр. Головешко касается своих биографических моментов: якобы когда-то к ним домой заходили бандеровцы и намеревались убить отца. Ясное дело, я спросил:

- Ну и что, не убили?

- Нет.

Сегодня он меня встретил.

- Это вы вчера говорили, что бандеровцы не убили моего отца?

Трудно сказать, почему юрисконсульт Головешко вложил именно такое содержание в мои слова. Пришлось объяснить мотивы вопроса, которые были слишком далеки от его пронизательных догадок.

- Ваш отец как партиец, - говорю ему, - присланный с родины для борьбы с бандеровским движением, охотился на них, ловил и высылал в Сибирь их семьи и родственников. И они один раз заходили в ваш дом /собственно, не совсем известно зачем/, не причинив вашей семье никакого зла. Вы же сегодня за чтение украинской националистической книги, или за защиту украинской культуры, языка, за несоответствующее слово, стих, воззрение, за общечеловеческие идеи сажаете в тюрьму или лагерь. Где ваши человеческие мерилы? Каково же тогда ваше понимание справедливости?

Но не успел что-либо сказать Головешко, как в разговор вмешался присутствовавший "профессор" *Каковский*. И посыпалось: "Бандеровцы - злейшие враги", "Упыри", "Убивали людей..."

- Я родом из тех мест, где было движение /с. Кричильск, Ровенской области/. Поэтому хорошо знаю, кого бандеровцы убивали и что тогда творилось. Я очевидец тех событий и к тому же был тогда просоветски настроен, я был комсомольцем. Так что, имейте в виду, шила в мешке не утаишь, правду не оплевать.

Она и после того останется правдой.

Реакция Каковского была неожиданной:

- Заядлый националист!.. С такими взглядами отсюда дороги нет... /"Профессор" не в "курсе дела", что по приговору мы имеем соответствующий срок./ Не 25 лет давать, а нужно убивать, - словно выстреливал доктор исторических наук.

Моя настойчивая просьба все же выслушать меня, за что я сижу столько лет в концлагере, - была тщетной.

- Вы с националистическими взглядами.

В его устах это звучало как достаточная причина, чтобы можно было меня не только всю жизнь держать в заключении, но и уничтожить. Все это он говорил с циничной откровенностью, так не всегда позволяют себе высказываться даже работники КГБ. Это было невиданным, как ученый муж, сотрудник Академии наук СССР с каким-то непонятным пафосом защищал бездну человеческой дикости.

Я напомнил, что в цивилизованном мире никто за это не судит /хочешь, читай на здоровье Маркса, Энгельса, Ленина/. Даже те "ужасные" бандеровцы, в адрес которых было брошено столько обвинений и грязи, никогда и никому не запрещали читать советскую или марксистскую литературу. Наоборот, рекомендовали изучать. Они полагались на силу своих идей и благородство цели. А ведь это делалось в условиях вооруженной борьбы!

Теперь, в мирное время, при полной монополии печати, радио, кино и миллионного пропагандистского аппарата, чтение так называемой самиздатовской книги, инакомыслие, отстаивание родного языка инкриминируется

как преступление - за это сажают в тюрьму, в концлагерь - "и вы лично за это же самое призываете к еще большему наказанию - убивать и гноить?"

- Смотрели фильм? Националисты убили Галана? Такого выдающегося человека нашей эпохи... За националистические взгляды не сажать, а стрелять надо! - в злобной радости стоял на своем доктор исторических наук.

Такой фильм я действительно видел, но, к сожалению, он меня ни в чем не убедил. Произвол и беззаконие так называемой социалистической демократии забросили меня далеко от родной земли, за колючую проволоку вражьего Севера, где я имел возможность встречать интересных людей, занимавших в движении крупное положение. Для них убийство Галана было большой неожиданностью, как гром среди ясного неба. Ибо все они считали, что живой Галан - полезен бандеровцам, мертвый - большевикам. Поэтому я уже не верил. И лишь потом /после выступления Хрущева/ убедился, что действительно у Сталина были планы расправиться с людьми типа Галана.

Случилось видеть и людей, осужденных по делу убийства писателя. Как рассказывал мне Д. Л у к а ш е в и ч, у которого расстреляли троих сыновей, "вина" двоих из них заключалась лишь в том, что они общались с третьим. Подобным образом расправлялись и с другими. Так что слишком бросается в глаза, что заметались следы. Никто из осужденных по делу Галана не знал: была ли та студенческая организация действительно оуновской или инспирированной МГБ. Тогда таких инспирированных было немало во львовских и других западноукраинских учебных заведениях. Сошлюсь, к примеру, на ту "организацию", за которую осудили меня и моих товарищей. Ор-

ганы МГБ поручили своему агенту *Харечко* Ивану Михайловичу войти в связь с руководителем ОУН "Нечаем", чтобы таким способом "бандита ликвидировать". Но чтобы напасть на след, Иван Харечко создает "организацию". Дает читать литературу. А затем объявляет, что у него с подпольем порвались связи. Следовательно, остается одно: искать их каждому из нас. Понятно, он дал "практические" советы, как это сделать. Но Харечко не обо всем своевременно информировал органы МГБ. И когда была обнаружена у нас националистическая литература и читатели ее арестованы, на скамью подсудимых попал и сам Харечко. Его искренним признаниям /как на следствии, так и на суде/ не поверили и осудили вместе с другими на 25 лет концлагеря. Очень правдоподобно, что к такой "организации" принадлежали и исполнители убийства Я.Галана.

В начале 60-х годов в журнале "Жовтень" /"Октябрь"/ была напечатана заметка, что будто бы в архивах Львовского КГБ имеются материалы, дающие основание связывать смерть Галана с личностью Сталина, что очень близко к истине. Человек, которого интересует правда, не может не задать себе вопрос: почему бандеровцы убили одного лишь Галана? /И лишь в 1949 году./ Писали о них, и не менее пасквильно, немало других советских писателей, историков и идеологических работников. Возможности у бандеровского подполья были очень большие. И никто, кроме Галана, не пострадал.

Уничтожать нежелательных писателей, ученых, идеологов - типичный почерк Сталина, это большевистский метод, а не бандеровский.

Сердце "профессора" не выдержало: с мольбой обреченного протянул он правую руку к замполиту *Китманову*, левую положил на сердце, а глазами впился в портрет железного Фелик-

са /Дзержинского/ и почти умолял администрацию: "Видите, как они думают?! Карайте их! Карайте их! Здесь их и сгноить!"

Железный Феликс молчал, удивленный, что через полсотни лет после красного террора ученые Академии наук так патетически умоляют его помощи. Прискорбная сцена поражала: до чего может дойти живой человек!

"Ученый муж", "исследователь революционного движения" приезжает на далекий Урал, чтобы поучать тюремщиков, как нас пытатель, и забывает: они это ремесло и без него отлично знают.

Пермский лагерь ВС 389/35,
6 июля 1975 г.

Степан Сорока

Русский перевод сделан на Западе. Украинский оригинал опубликован в газ. "Свобода", Нью-Йорк, 8.1.76. - Р е д.

*Его Святейшеству Павлу Шестому,
Папе Римскому, Ватикан
от репрессированного священника
православной церкви на Украине
Романюка Василя Омеляновича*

О Б Р А Щ Е Н И Е

Ваше святейшество!

Попраение элементарных прав человека в СССР приобрело такие огромные размеры за последние несколько лет, что даже за малейшее проявление инакомыслия человека водворяют на долгие годы в концлагеря или психиатрические больницы.

Только на Украине в 1972 г. было репрессировано около 800 человек; некоторые из них получили большие сроки и содержатся в концлагерях Мордовии и Урала, а другие уволены с работы и изгнаны из учебных заведений, из квартир и т.д. Среди таких репрессированных есть большое число женщин, причем некоторые из них получили большие сроки и советская Фемида не обратила ни малейшего внимания на то, что среди них есть больные и матери малолетних детей.

Советское правительство много говорит о мире и дружбе между народами, на все лады прокликает "чилийскую хунту", а у себя дома жестоко подавляет инакомыслие.

Считаю своим долгом просить Ваше святейшество обратить внимание на бесчеловечное обращение с репрессированными женщинами. В Мордовском концлагере содержится несколько десятков женщин, репрессированных за свои

убеждения, среди них украинки мне лично знакомые: поэтессы Ирина С т а с и в - К а л ы н е ц и Ирина С е н и к, врач-биолог Нина С т р о к а т а я - К а р а в а н с к а я, художница Стефа Ш а б а - т у р а, педагог-филолог Надежда С в е т - л и ч н а я и Оксана П о п о в и ч. Вина этих женщин только в том, что ни, как и все репрессированные, не так думали, как это хотелось власть имущим. Прошу Ваше святейшество обратиться к советскому правительству с требованием, чтобы оно прекратило попира́ть права человека и освободило всех репрессированных, и в первую очередь женщин, и дало возможность покинуть эту страшную страну тем, кто этого пожелает.

Должен еще напомнить, что названные женщины в знак протеста против произвола и беззакония, совершенного над ними, отказались в Международный Женский Год выходить на работу и за это их уже около полугода морят в карцерах и одиночных камерах, угрожая им новой судебной расправой.

Мне стало известно, что некоторые деятели католической и протестантской церкви получили так называемую "Ленинскую премию за укрепление мира между народами, а поэтому, пользуясь случаем, я хотел бы напомнить им, что если они верят в благие намерения советского правительства, то пусть попробуют повлиять на него, чтобы оно прекратило подавлять элементарные свободы и религиозные убеждения человека, ибо только тогда их высокопарные слова о мире и дружбе между народами приобретут истинный смысл. Если советское правительство откажется выполнить эти требования, то станет ясно, что это правительство никакого мира не желает, а только обманывает мировое общественное мнение, ибо без справедливости невозможен никакой мир и сотрудничество, а в таком слу-

чае все те христианские деятели, которые получили упомянутую премию, должны от нее отказаться.

Страна, в которой уничтожена всякая справедливость, где долголетняя проповедь оголтелого атеизма воспитала человека-изверга, неспособна ни к какому миру и сотрудничеству между народами. Я, например, написал коло 400 жалоб и заявлений по поводу произвола и беззакония, совершенного надо мной, но ничего добиться не мог, мне отовсюду приходили бесчеловечные и холодные ответы: "Вы осуждены правильно". А есть люди, которые написали тысячи подобных жалоб, и никто их не слушал - вот образец советского прогрессивного каннибальства.

Советский Союз - злейший враг христианства /а католичества особенно/, национальных и религиозных обрядов и традиций. Следователь КГБ во время следствия сказал мне, что церковь в СССР должна не активизировать свою деятельность, а сворачивать, а поэтому те церковные деятели, которые пытаются усердно навязывать свои убеждения верующим, нам нежелательны и мы будем против них бороться.

Я уже три года пишу во все инстанции о разрешении получить Библию, но мне отвечают, что Библии я не получу - "Мы не разрешим вам, чтобы вы здесь занимались религиозной пропагандой". Вот так на деле выглядит свобода совести в СССР.

Ваше святейшество! В этом кратком обращении нет возможности перечислить все факты попрания прав человека в СССР, да и нет нужды, ибо на Западе много документов, которые свидетельствуют о страшном преступлении против мира и человечности, совершенном этим правительством в мирное время, а по-

этому я и мои коллеги надеемся, что святейший престол поможет учредить какую-то международную комиссию по расследованию фактов попрания прав человека в СССР. Мы также просим, чтобы к нам были допущены представители международной общественности, и чтобы они воочию убедились, в том, что здесь делается.

Должен напомнить Вашему святейшеству, что против инакомыслящих используются не только концлагеря и психиатрические больницы, но и прямое физическое уничтожение. В Киеве в 1970 г. была убита художница Алла Г о р с ь к а, в этом же году во Львовской области был убит священник православной церкви, а вот недавно в Сумах убит брат ныне репрессированного украинского литератора Михаила Осадчего - Владимир О с а д ч и й. И этот список можно продолжать долго. Физической расправой угрожали и мне еще перед арестом, угрожали и психиатрической больницей. А начальник Владимирской тюрьмы рассказал и такую "премудрость": "Я скажу вам, что вас - антисоветчиков нужно просто закрыть в психиатрические больницы, ибо вы ненормальные люди. Вы видите, какой мы обладаем силой, у нас танки, ракеты, к нам сам Никсон приезжает и вообще скоро Америка на коленях будет перед нами, а вы осмеливаетесь критиковать Советскую власть - на такое, конечно, нормальные люди не пойдут!"

Ваше святейшество! С великой надеждой мы обращаемся к Вашей святыне, ко всему христианству в этот Святой год и ко всем людям доброй воли, чтобы они подняли свой голос протеста против всего, упомянутого в данном обращении.

Я уже со своей стороны в знак протеста против жестокости и бесчеловечности, совершенной над инакомыслящими, и против запрещения

мне пользоваться Библией ОБЪЯВЛЯЮ С 1 АВ-
ГУСТА 1975 ГОДА ГОЛОДОВКУ.

Нижайший слуга Вашего святейшества
священник

Василий Романюк

*Всемирный Совет Церквей
г. Женева
от репрессированного священника
Православной Церкви на Украине
о. Романюка Василия Емельяновича*

ОБРАЩЕНИЕ

Возлюбленные отцы и братья в Женеве.

Считаю своим долгом христианина и верующего человека, обратить ваше внимание на попрание элементарных прав человека в СССР. Вот я уже четвертый год сижу безвинно в тюрьме и никакой справедливости добиться не могу. Я работал священником в известном украинском селе на Гуцульщине - Космач, и только за то, что выступил на защиту безвинно репрессированного украинского историка В.М о - р о з а, на меня работники КГБ сфабриковали так называемое "уголовное дело" и на закрытом судебном процессе засудили на 10 лет лишения свободы.

Подобное беззаконие совершается надо мной не впервые. В 1944 году меня, сына крестьян-бедняков, безвинно арестовали в военкомате только за то, что местные коммунисты охарактеризовали меня как "националиста-церковника". Меня засудили на 10 лет, а моих родителей сослали в Сибирь, где от непосильного труда и голода умер мой отец, а малолетнего брата Танасия Р о м а н ю к а убили сталинские каратели только за то, что он убежал из дому когда вывозили родных. В те времена существовал такой порядок, что если кто-либо из семьи был осужден, то остальные родственники тоже подвергались репрессиям. Сейчас при Брежневe зта

традиция опять возобновилась с той лишь разницей, что родных не ссылают в Сибирь, а репрессируют на месте, то есть изгоняют со службы в учреждениях, из институтов и квартир. И делают другие всевозможные неприятности. Только на Украине в 1972 году было репрессировано более 800 человек, некоторые из них были осуждены на большие сроки и водворены в концлагеря Мордовии и Урала, остальные изгнаны из учебных заведений и с разных работ, лишены квартир и т.д. Ужасно и то, что среди этих репрессированных значительное число женщин, среди которых есть осужденные на большие сроки. Назову имена только тех, с которыми я был лично знаком, это поэтессы Ирина С т а - с и в - К а л ы н е ц и Ирина С е н и к, врач-биолог Нина К а р а в а н с к а я, художница Стефа Ш а б а т у р а, педагог-филолог Надежда С в е т л и ч н а я, Оксана П о п о в и ч и другие. Эти женщины в знак протеста против произвола и беззакония, совершенного над ними, в Международный год женщины отказались выходить на работу - и вот за это их уже около полугода держат в карцерах и одиночных камерах, причем почти все они в плохом состоянии здоровья. Спрашивается, страна, которая постоянно вопит о мире и сотрудничестве между народами, проливает крокодильи слезы о "зверствах чилийской хунты", сама попирает элементарные права человека, даже не брезгует издеваться над женщинами и то больными. Кроме того, людей за их убеждения бросают в психиатрические больницы для принудительного "лечения". Туда были водворены некоторые мне знакомые - совсем здоровые люди: врач украинец Николай П л а х о т н ю к, Зиновий К р а с и в с к и й, Иосиф Т е р е л я, Юрий Б е л о в, Л у п ы н о с и др.

Прошу Всемирный Совет Церквей создать комиссию по расследованию фактов попрания

элементарных прав человека в СССР. Требуются срочные меры для спасения жизни водворенных в концлагеря и психиатрические больницы безвинно репрессированных инакомыслящих. Прошу, чтобы к нам были допущены представители ВСЦ или иностранные корреспонденты и чтобы они воочию убедились, какие зверства совершает над нами советская хунта. Я написал около 400 жалоб и заявлений по поводу произвола и беззакония, совершенных надо мной Ивано-Франковским областным судом, но мне отовсюду отвечают стереотипом: "Вы осуждены правильно". Я добиваюсь уже около трех лет и пишу в разные инстанции, чтобы мне разрешили получить Библию из дома, но мне категорически отказано, - "Религия - буржуазная идеология, - отвечают мне лагерные чиновники, - и мы не разрешим, чтобы вы здесь занимались религиозной пропагандой". Вот так выглядит в СССР свобода совести.

Из газет я узнал, что некоторые религиозные деятели на Западе дерзнули получить так называемую "Ленинскую премию за укрепление мира между народами". Я не сомневаюсь в искренности намерений этих уважаемых людей, но твердо убежден, что они не знают объекта, с которым имеют дело, а поэтому, чтобы они в этом убедились, я обращаюсь через Секретариат ВСЦ к этим "патриотам", как католическим, так и протестантским: помогите нам здесь, репрессированным инакомыслящим, особенно тем, что водворен на долгие годы в советские концлагеря и, в первую очередь, женщинам! Помогите, чтобы нам была возможность покинуть эту страшную страну, где только за одни убеждения дают человеку 10-15 лет! Коли советское правительство послушает вас и прекратит гонения и преследования инакомыслящих, то тогда вы имеете моральное право носить звание этих лауреатов, в противном же случае вы должны от этих

премий отказаться, чтобы не быть участниками преступлений, которые совершило и совершает это правительство! Чтобы это мое обращение задело сердца и умы всех христиан и людей доброй воли, то я кроме подписи объявляю с 1 августа 1975 года голодовку в знак протеста против жестокого подавления элементарных прав человека в СССР и требую немедленной реабилитации всех безвинно репрессированных

Священник Василий Романюк

P.S. Если ничего уже не сможете сделать, чтобы облегчить нашу судьбу, то прошу: помогите получить Библию, а голодовку буду продолжать до тех пор, пока Библию не получу на руки, и прошу вас, возлюбленные отцы и братья во Христе, помогите мне в этом -

искренне

священник В. Романюк

В Комитет прав человека

Сахарову А.Д.

Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!

Полгода тому назад я обращался к Вам с письмом о судьбе одного из выдающихся борцов за права человека в СССР, члена Инициативной группы защиты прав человека в СССР, активного участника движения за права крымско-татарского народа - Мустафы Абдуль-Джемилея /Джемилева/. В нем я высказал опасения за жизнь Мустафы и об угрозе продления срока лагерным судом. Сегодня самые худшие мои опасения подтвердились. 19 июня 1975 года ему предъявлено обвинение по ст.190-1 УК РСФСР. В тот же день Мустафа вновь объявил ГОЛОДОВКУ протеста.

Жизнь Джемилева в опасности!

Власти не могут простить Мустафе его нестигаемости и тех разоблачений, которые были сделаны им ранее и, особенно, на процессе 1970 года. Как мне стало известно, около двух месяцев назад один из сотрудников Ташкентского КГБ заявил, что такие люди как Джемилев должны находиться либо в лагере, либо в психбольнице. И сегодня эта зловещая угроза претворяется в жизнь.

Методы, при помощи которых фабриковалось новое обвинение, достаточно красноречиво раскрываются прилагаемыми к этому моему письму документами - это и изъятие всех бумаг Мустафы, в том числе и писем, прошедших лагерную цензуру, и шантаж солагерников Мустафы,

с целью получить устраивающие КГБ материалы.

Сегодня там, за колючей проволокой, вдалеке от внимания советской и мировой общественности свершается кровавая расправа над мужественным и нестигаемым человеком.

Я обращаюсь к Вам и Вашим коллегам по Комитету, людям неоднократно выступавшим в защиту несправедливо гонимых, поднять голос протеста против незаконного преследования Мустафы Джемилева.

Жизнь Джемилева в опасности!

С искренним уважением

Андрей Григоренко

21 июня 1975 года

ПОКАЗАНИЯ

Я, Дворянский Владимир, 1950 года рождения, уроженец Пахтааральского р-на Сырдарьинской области УзССР, до октября 1973 г. проживал в г.Пскенте Ташкентской области по ул.Навои 25.

В конце октября 1973 г. я выехал в Барнаул в гости к своей сестре, проживающей там со своей семьей, и в ноябре месяце, во время драки, убил человека, оскорбившего достоинство моей сестры, был арестован и приговором нарсуда Октябрьского р-на г.Барнаула в апреле 1974 года осужден на 10 лет лишения свободы в ИТК строгого режима по ст.103 УК РСФСР.

8 мая 1974 г. для отбытия наказания я был доставлен в ИТК Ш⁴ 14/3, расположенный близ г.Барнаула. В связи с резким ухудшением здоровья, вызванным переменной климата, я стал обращаться в санчасть колонии, а также прокуратуру г.Барнаула и в Управление лагерей Алтайского крайисполкома с просьбой отправить меня для отбывания наказания в один из лагерей, расположенных на территории УзССР. Но просьбы мои отказались удовлетворить, и я объявил голодовку. Через несколько дней меня вызвали к начальнику колонии и уведомили, что моя просьба будет удовлетворена и я буду отправлен в Узбекистан.

Действительно, через несколько дней меня этапировали, но вместо того, чтобы везти в Узбекистан, привезли в лагерь, расположенный на окраине западносибирского города Омска, - в колонию 16/3, где я сейчас нахожусь. Несмотря на то, что я инвалид второй группы, в лагере заставили выполнять тяже-

лую работу. Обращения в санчасть и к руководству колонии не дали положительных результатов. Мне просто изменили категорию инвалидности, из второй в третью, и так как я не могу выполнять возложенную на меня работу, дважды сроком по 15 суток водворяли в карцер.

Я продолжал писать в различные инстанции заявления и жалобы с просьбой этапировать меня в Узбекистан. Последняя моя жалоба, написанная в январе 1975 г., была адресована прокурору РСФСР.

11 февраля в промзоне лагеря, приблизительно в половине двенадцатого, ко мне подошел оперуполномоченный младший лейтенант *Якубович* и сказал: "Тебя вызывает представитель КГБ и приказал явиться в надзорную службу промзоны". Через пять минут я был у штаба, где у входа ожидал меня Якубович. Он провел меня в комнату надзорной службы на 1-ом этаже. В комнате сидели другой оперуполномоченный колонии лейтенант *Руденко* и еще один молодой человек в штатском, полный, лет 35, круглолицый, с двойным подбородком, шатен, глаза карие, рост около 165 см. Он назвался сотрудником госбезопасности, фамилию не назвал. Произошел следующий разговор:

- Я приехал по поводу вашего протеста, - сказал сотрудник КГБ.

- Хорошо, - ответил я.

- Вас зовут Володя? Садитесь, закуривайте, - на столе лежала пачка дорогих сигарет.

- Да, - ответил я и закурил.

- И еще мне нужно узнать, где проживают ваши родственники.

- Сестра с мужем в Барнауле, отец, мать, жена с дочерью в Пскенте Ташкентской области.

Вмешивается младший лейтенант Якубович:

- К вам на свидание приезжала на днях мать и у нее была Барнаульская прописка.

- Мать мне сказала, что разошлась с отцом и переехала к сестре в Барнаул.

- А почему они разошлись?

- Почему они разошлись я не спрашивал, это ихнее дело, - ответил я.

- Вы писали протест прокурору РСФСР? - спрашивает сотрудник КГБ.

- Да, писал.

- Сможете пересказать содержание устно?

- Да, вкратце.

- Почему вы сравниваете фашистские концентрационные лагеря с советскими колониями?

- В некоторой степени они похожи.

- Чем?

- Заграждениями и отношением некоторых работников администрации к заключенным.

- Не могли бы вы конкретно сказать, кого из работников администрации вы имеете в виду? - спрашивает оперуполномоченный Руденко.

- Ну, например, капитан *Браташ* и майор *Власенко*.

- А что они именно вам сделали, что вы их сравниваете с фашистами? - спрашивает Якубович.

- Я неоднократно обращался к ним по поводу своего здоровья. Мое здоровье резко ухудшилось из-за перемены климата - атрофирование потовых желез, - в результате шелушится все тело. У меня больные легкие, я просил оказать медицинскую помощь и отправить в какой-нибудь лагерь на территории Узбекистана. Я инвалид труда второй группы. Но вместо оказания помощи меня неоднократно сажали в карцер.

Сотрудник КГБ обращается к оперуполномоченному:

- Возьмите это во внимание и разберитесь.

- Разберемся, - отвечает лейтенант Руденко.

Затем, обращаясь ко мне, сотрудник КГБ говорит:

- У нас Советская страна, вы родились и учились в нашем обществе и не должны делать таких выводов. Вы много пишете?

- Да пишу.

- Как нам известно, вы занимаетесь очень большой рукописью. Что именно вы пишете?

- Конспектирую работы Маркса, Энгельса, Ленина.

- Это неплохо, - затем спрашивает, - вы знаете Д ж е м и л е в а Мустафу?

- Да, знаком.

- Как вы с ним познакомились?

- Как земляк с земляком, Я узнал, что этапом прибыл человек из Ташкента, тем более моей крови.

- У вас, кажется, отец тоже крымский татарин? - спрашивает мл. л-нт Якубович.

- Да.

Сотрудник КГБ:

- Ну, а дальше?

- Я пришел к нему, представился. Так и познакомились. Он единственный земляк в этом лагере. Здесь больше нет никого из Узбекистана. А без земляков в лагере трудно.

- Вы знаете, что у него имеется связь с границей?

- Нет, не знаю.

- Вы знаете, что письма и телеграммы он получал от Сахарова?

- Не знаю, он меня не информировал.

Оперуполномоченный Руденко, обращаясь к сотруднику КГБ, говорит:

- Сахаров, кажется, отрекся ведь от своих идей и заявлений?

- Отрекся то отрекся, - говорит сотрудник КГБ, - но в голове держит то же самое. - Затем, обращаясь ко мне, спрашивает: - Вы знаете, что у Мустафы есть брат в заключении, сидит за антисоветскую связь по ст. 190², он с ним через волю поддерживает связь? Он вам не говорил об этом?

- Не знаю, об этом разговора не было.

- Он вам не говорил о своих связях с за рубежом и что его родственник находится в США?

- Об этом не говорил.

Вмешивается мл. л-нт Якубович, обращаясь к сотруднику КГБ:

- Джемилев ходит к Федотову. Возможно, этот Федотов отправляет письма этому Решату /Джемилеву/ через прапорщиков.

- А решатся или нет прапорщики отправлять письма? - спрашивает у него сотрудник КГБ.

- Могут, не без этого, - отвечает вместо Якубовича л-нт Руденко.

- Вы знаете кто по национальности Федотов?
- спрашивает Якубович меня.

- Не знаю, наверное, русский. Федотов - русская фамилия.

- Да нет, он не русский.

- Вы никогда не слышали от Джемилева имя "Решат"? Это имя вам ничего не говорит? - спрашивает сотрудник КГБ. - Он живет в городе Омске.

- Нет, не слышал это имя.

- Интересно, что к этому Решату Джемилев пишет другим почерком, чем своим родным, - говорит сотрудник КГБ, обращаясь к оперуполномоченным. Затем спрашивает у меня: - Вы не замечали, что он меняет свой почерк?

- Нет, не замечал.

- Возможно этот человек их связной, рабо-

тает в ИТУ Омска, но как это выяснить и узнать? - сотрудник КГБ вопросительно смотрит на меня.

- Я не замечал, что он пишет. Вижу, что на работе он работает над тем, что ему дают.

- А через вас он не отправляет письма? Вы не имеете дело с вольными шоферами?

- Нет, не отправляет.

- Он вроде иностранные языки изучает и владеет несколькими языками. Вы знаете об этом?

- Со мной он всегда разговаривает по-русски.

- А вы сами изучаете иностранный язык?

- В школе изучал английский.

- У вас какие отношения с Джемилевым?

- Как говорится "здравствуй - до свидания". Особо близких отношений нет.

- Правильно! Что может быть у вас общего с Джемилевым. Он - закоренелый преступник, враг нашего общества. У него несколько судимостей, а у вас всего лишь вторая судимость. Вы знаете, за что он сейчас сидит?

- Нет, не знаю. Я не спрашивал.

- Он уклонился от воинской службы.

- Наверное, правильно сделал.

- Почему вы так считаете? Ведь долг каждого гражданина защищать родину.

- То есть я хотел сказать, что ему самому виднее, как поступить. Я не знаю подробностей его дела и не могу судить.

- Он не пытался здесь, в колонии, создать какой-нибудь антисоветский кружок? Поскольку большинство заключенных, как правило, настроены против нашего общества, то он, наверное, пытался сколотить группировку.

- Я не знаю ни про какие кружки.

В разговор вступает Якубович. Обращаясь к сотруднику КГБ, говорит:

- В пятом отряде есть один азербайджанец, может он тоже связан с Джемилевым. Затем спрашивает у меня: - Вы, наверное, его видели и знаете?

Сотрудник КГБ:

- Эта нация тоже слабая духом и их легко настроить против нашего общества.

- Видеть-то я его видел, но о его связях с Джемилевым ничего не знаю.

Сотрудник КГБ:

- Вы слышали, что в Ташкенте продают огнестрельное оружие? Был у вас с Джемилевым разговор на эту тему?

- Я слышал, что там продают огнестрельное оружие, но с Джемилевым разговор об этом совсем не заходил.

Мл. л-нт Якубович, обращаясь к сотруднику КГБ:

- У него отец тоже крымский татарин, - затем обратился ко мне, - правильно? И

живет в Ташкенте.

- Да, правильно, крымский татарин, -
ответил я.

Сотрудник КГБ:

- А какой политики придерживается ваш отец?
Он имеет связь с заграницей?

- Наверное придерживается той политики, ко-
торую считает правильной. Связи его с за-
границей я не замечал.

- Вы знаете, что международное положение
сейчас смягчилось и что иностранцы стали
часто приезжать в СССР?

- Знаю по газетам.

- В дальнейшем будут приезжать еще больше.
Им на руку ваши работы и пропаганда. Ино-
странцы интересуются лагерями в СССР, а вы
даете им пищу для подрыва нашего строя.

- Я писал сугубо по своему делу в совет-
ские органы.

- Вы знаете? /он называет нерусскую
фамилию, которую я не запоминаю/, который
живет в Москве? Он единомышленник Сахарова,
и Джемилев поддерживает с ним связь тоже.

- Не знаю.

- Кто пишет Джемилеву из Херсона и к кому
он пишет? У него есть там кто-нибудь?

- Этого я не знаю. Он мне не читает своих
писем.

Мл. л-нт Якубович не обращаясь ни к кому
персонально:

- У Джемилева большая связь с заграницей и в Советском Союзе.

Сотрудник КГБ:

- Не было ли у вас разговора с Джемилевым о том, что к нему собирается приехать родственник из США? Вы не слышали об этом?

- Не знаю, не слышал.

- Вы не против, если этот наш разговор мы составим письменно и вы распишетесь?

- Достаточно устно.

- Как вы сами вообще смотрите на жизнь? Как вы думаете жить?

- Жизнь сама подскажет дорогу.

- У вас какой срок?

- Десять лет.

- Да, многовато. Пройдет вся молодость в лагере. Но от вас самого зависит когда вы освободитесь. И здоровье, говорите, неважное, а?

Мл. л-нт Якубович:

- Если вы, Володя, поможете нам, то и мы вам поможем.

Сотрудник КГБ и лейтенант Руденко кивают головами и говорят: "Конечно, конечно".

- Как и чем я могу вам помочь? - спросил я.

Сотрудник КГБ:

- Вам нужно поближе познакомиться с Джемилевым.

левым и постараться узнать о нем все: о его связях с волей, с кем из заключенных он общается, о чем с ними говорит. Может быть узнаете о его зарубежных связях, какие у него планы на будущее. Он не говорил вам, куда собирается ехать после освобождения?

- Нет, не говорил, но наверное поедет домой, не будет же он шататься по Союзу. У него есть семья, родные.

- Да, у него кругом родные! Ну так как?

- А чем вы мне поможете?

Мл. л-нт Якубович:

- И хорошее, и плохое - все зависит от нас. Ну, хотя бы на первый случай можем удовлетворить вашу просьбу о переводе в лагерь ближе к месту жительства.

- А там дальше видно будет, - добавляет сотрудник КГБ.

- Если вы будете хорошо выполнять наши поручения, вы, конечно, освободитесь намного раньше. Мы еще с вами встретимся и обо всем подробно поговорим. Встретимся?

Я неопределенно пожимаю плечами.

- Встретимся, - заключает сотрудник КГБ, - ну, а если что разузнаете, обращайтесь к ним, - он кивает в сторону оперуполномоченных.

- Да, да! - говорят те.

- Ну, а пока идите, - дружески улыбается сотрудник КГБ.

Оперуполномоченный Якубович говорит: "Подож-

дите" и первым выходит сам, чтобы посмотреть нет ли кого поблизости, потому что никто из заключенных не должен меня видеть, выходящим из этого кабинета.

*

Настоящий текст записан мной по памяти через несколько часов после этого "собеседования".

Учреждение УХ 16/36

11 февраля 1975 г.

Дворянский В.А.

Начальнику колонии УХ 16/3
Омского облисполкома
майору Трубникову
от з/к Джемилева Мустафи,
ст. 199-1 УК УзССР, срок 1 год

Копия: Председателю КГБ при
СМ СССР Ю. Андропову

15 мая сего года надзиратели и оперработники колонии произвели досмотр моих вещей и изъяли несколько личных писем, бумаг и тетрадей с записями на английском и немецком языках и несколько рукописей на русском языке, тексты которых не содержат в себе какую-либо запрещенную лагерными установками информацию. Изъяты также несколько книг на английском языке советского издания и номеров органа компартии Великобритании - газеты "Морнинг стар", которая, как я полагаю, не может рассматриваться в коммунистической стране как запрещенная литература.

Позднее мне сообщили, что обыск и изъятие бумаг были произведены по распоряжению сотрудника КГБ при СМ УзССР, прибывшего сюда из Ташкента, и сотрудника Омского областного отделения КГБ при СМ СССР старшего лейтенанта *Серова*. На мое требование составить протокол изъятия бумаг и литературы начальник оперчасти колонии подполковник *Ямбатов*, которому были переданы все изъятые бумаги, солгал мне, что бумаги изъяты по распоряжению начальника колонии, т.е. по Вашему распоряжению, и будут возвращены через несколько часов. Но прошло уже десять дней, а бумаги и книги все еще не возвращены.

Мне, конечно, понятны цели частых визитов в

колонию сотрудников КГБ, также цели проводимых ими незаконных допросов заключенных и работников колонии, с которыми мне приходится общаться, о моих политических взглядах. Это является дополнительным подтверждением сделанного мной ранее заявления о том, что обвинение в нарушении ст.199¹ УК УзССР, по которому я был лишен свободы, является заведомо ложным и сфабрикованным с санкции сотрудников КГБ в порядке очередной расправы за мое участие в национальном движении своего народа за возвращение на Родину и за мои политические взгляды.

Но мне не совсем понятно, почему же администрация колонии, казалось бы, занятая ответственной задачей содержания и перевоспитания правонарушителей, с такой легкостью и рвением бросается выполнять незаконные поручения и распоряжения даже сравнительно мелких чинов КГБ, которые пытаются брать на себя инквизиторские функции контролеров и надсмотрщиков над мыслями и взглядами людей. Неужели их распоряжения и требования для работников колонии имеют более важное значение, чем требования закона?

Ведь согласно закону, если у заключенного изымают какие-то вещи, тем более для передачи в какие-то другие органы, то в обязательном порядке следует составлять протокол изъятия, где эти вещи должны быть подробно описаны и где должны быть указаны мотивы их изъятия. В противном случае это является произволом. Сожалею, что мне приходится напоминать об элементарных правовых истинах, которые Вы, вероятно, знаете отлично сами.

В настоящем заявлении я не останавливаюсь подробно на иных незаконных действиях сотрудников КГБ, которые, как мне стало известно, с помощью оперработников колонии,

в частности при активном участии начальника оперчасти Ямбатрова и младшего лейтенанта *Яхимовича*, развернули вокруг меня чрезмерно бурную провокационную деятельность. Заявление и материалы по этому поводу будут направлены в иные учреждения, так как я не думаю, что Ваше уважение к законам простирается так далеко, чтобы идти на риск конфронтации с сотрудниками столь могущественного органа, как КГБ.

Но я прошу Вас предпринять меры к тому, чтобы были возвращены все незаконно изъятые у меня бумаги и литература, а в случае необходимости их изъятия настаиваю, чтобы это было оформлено в соответствии с требованиями закона.

Омск, Учреждение УХ 16/3,

25 мая 1975 г.

Мустафа Джемилев

Копия

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Омск, 19 июня 1975 года

Ст.следователь прокуратуры области *Гусельникова* на основании своего постановления от 19 июня 1975 года с соблюдением требований статей УПК РСФСР в присутствии понятых:

1. *Гаранина* Владимира Петровича ИТК-3
отр. №10
2. *Козлова* Александра Дмитриевича ИТК-3
отр. №5

с участием *Д ж е м и л е в а* Мустафы произвела обыск на рабочем месте в отделе главного механика промзоны ИТК-3 и в жилой секции отряда №5 - тумбочки, постельных принадлежностей, постели *Джемилева* М.

При обыске в жилой секции изъято следующее:

1. Две тетради в желтой обертке с записями на немецком и русском языках.
2. Одна тетрадь в голубой обертке с такими же записями на немецком и русском языках.
3. В голубой корочке ученической тетради полтора листа в клетку, на первой странице на 3-х строках текст выполнен на иностранном языке.
4. На листе серой бумаги на 9-ти строках выполнен текст на иностранном языке.
5. Текст на иностранном языке от 23/У-75 г. на белом листе.

6. На листе из ученической тетради в клетку, текст на русском языке, подпись Осман, рисунок.
7. На белой бумаге, два листа с текстом на нерусском языке.
8. Часть листа из ученической тетради в клетку с записью на русском языке.
9. Запись на нерусском языке на листе белой бумаги.
10. Разные записи на нерусском языке на 2-х белых листах.
11. Различные записи на русском языке на 2-х белых листах.
12. Письмо в конверте на нерусском языке на имя Джемилева.
13. Письмо на нерусском языке от Абурмановой.
14. Открытка Джемилеву на нерусском языке от Амоевой Э.
15. Письмо от Усеиновой А. на русском языке.
16. Копия письма "Дорогие девушки"...
"Здравствуй, Эбазер"...
17. Письмо в конверте от Мустафаева на арабском языке от 10.10.74.
18. То же от 20.12.74.
19. То же от 27.12.74.
20. Письмо от Сеитванова от 2.5.74. [75?]

21. Письмо в конверте от Д.Р. из Самарканда на 1,5 листах в линейку.
22. Письмо от Хаировой В.
23. Открытка от Сеитвелиевой.
24. Письмо на иностранном языке от Абдулаевой.
25. Письмо от 28 из Красногвардейска.
26. Письмо на арабском языке из г.Чирчик от 15.4.75.
27. Открытка от 4.5.75 с подписью партизаны.
28. Письмо на арабском языке от Джимгалова от 4.4.75.
29. Письмо на иностранном языке на одном листе от 16.11.74 из Сырдарьи.
30. Письмо от Алетова И. из г.Сумгаита от 10.1.75 на 2-х неполных листах в клетку.
31. Письмо в международном конверте на иностранном языке, на листе в линейку.
32. Поздравительная открытка; начинается словами: "Уважаемый Мустафа /следует непонятное слово/ поздравляю тебя с новым годом 1975". Окончание: "... и члены семьи".
33. На белом листе бумаги текст на иностранном языке, начало "Do

На все изъятые документы фиолетовой пастой, которой пишется данный протокол, проставлены номера по порядку записи в протоколе с

1-го по 33-й и обведены, например: 1, 2 и т.д.

34. Один лист копировальной бумаги, неиспользованный.

Обыск продолжен на работе в отделе главно механика.

На рабочем месте ничего не изъято.

Протокол прочитал, записан верно.

От Джемилева поступило заявление, что протестует против изъятия у него всех бумаг, как нарушения его права.

Поняты: *Гаранин*
Козлов

Копию протокола получил: *Джемилев*
Андреев

Ст.сл. *Гусельникова*

СОДЕРЖАНИЕ

Заявление в Комиссию законодательных предположений	3
Советские политзаключенные требуют статуса политических заключенных	15
Вячеслав Черновол: Открытое письмо президенту США Дж. Форду	19
Владимирская тюрьма	25
Данные по психиатрическому отделению лагерной больницы Мордовии	29
Письмо политзаключенного	32
Владимир Буковский: Открытое письмо председателю Совета министров Косыгину	35
Василий Стус: Я обвиняю	38
С. Сорока: Рассказ о посещении л/п 35 Пермских лагерей делегацией «украинской общественности»	45
Василий Романюк: Обращение к Павлу VI, Папе Римскому	51
В. Романюк: Обращение ко Всемирному Совету Церквей	56
А. Григоренко: Открытое письмо в Комитет прав человека	60
В. А. Дворянский: Показания	62
М. Джемилев: Начальнику колонии УХ 16/3	74
Протокол обыска (у М. Джемилева)	77